

Курт Воннегут

Завтрак для чемпионов, или Прощай, черный понедельник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128909

Курт Воннегут. Завтрак для чемпионов, или Прощай, черный понедельник: Ж-л «Иностранная литература», №№ в розыске;

Аннотация

«Эта книга – мой подарок самому себе к пятидесятилетию.

В пятьдесят лет я так запрограммирован, что веду себя по-ребячески; неуважительно говорю про американский гимн, рисую фломастером нацистский флаг, и задики, и всякое другое.

...Думаю, что это – попытка все выкинуть из головы, чтобы она стала совершенно пустой, как в тот день пятьдесят лет назад, когда я появился на этой сильно поврежденной планете.

...По-моему, так должны сделать все американцы – и белые и небелые, которые подражают белым. Во всяком случае, мне-то другие люди забили голову всякой всячиной – много там и бесполезного и безобразного, и одно с другим не вяжется и совершенно не соответствует той реальной жизни, которая идет вне меня, вне моей головы».

Курт Воннегут

Содержание

Предисловие	3
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	32
Глава шестая	35
Глава седьмая	37
Глава восьмая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Курт Воннегут

Завтрак для чемпионов, или Прощай, черный понедельник (С рисунками автора)

Памяти Фиби Хэрти, утешавшей меня во время Великой депрессии.

*Он знает путь мой; пусть испытает меня, – выйду, как золото.
(Иов. 23.10)*

Предисловие

Название «Завтрак для чемпионов» запатентовано акционерной компанией «Дженерал миллз» и стоит на коробке пшеничных хлопьев для завтрака. Титул данной книги, совпадающий с этим названием, никак не связан с акционерной компанией «Дженерал миллз» и не служит ей рекламой, но и не бросает тень на ее отличный продукт.

Той Фиби Хэрти, которой я посвящаю эту книгу, давно, как говорится, нет в живых. Когда я с ней познакомился – к концу Великой депрессии, – она жила в Индианаполисе и уже вдовела. Мне было лет шестнадцать, ей – около сорока.

Она была богата, и, однако, всю свою взрослую жизнь она ежедневно ходила на службу и работала не переставая. Остроумно и толково она вела отдел «Советы влюбленным» в «Индианаполис таймс» – хорошей газете, ныне усопшей.

Усопшей...

Кроме того, Фиби Хэрти сочиняла рекламу для владельцев универмага «Вильям Блок и Компания» – этот универмаг до сих пор процветает в здании, выстроенном по проекту моего отца. Вот какую рекламу Фиби Хэрти сочинила для осенней распродажи летних соломенных шляп: «За такую цену можете даже пропустить эту шляпу через лошадь и удобрить ею ваши розы».

Фиби Хэрти подрядила меня писать рекламу готового платья для подростков. Мне полагалось и самому носить ту одежду, которую я расхваливал. Это входило в мои обязанности. И я очень подружился с двумя сыновьями Фиби Хэрти, моими сверстниками. Я вечно торчал у них дома.

Не стеснясь в выражениях, она откровенно разговаривала обо всем и со мной, и со своими сыновьями, и с нашими подружками – мы часто приводили их к ней домой. С ней было весело. С ней я чувствовал себя свободно. Она приучила нас не только называть своими словами все, что касалось секса, но и говорить в непочтительном тоне об американской истории и всяких знаменитых героях, о распределении земных благ, об учебных заведениях – словом, обо всем на свете.

Теперь я зарабатываю на жизнь всякими непочтительными высказываниями обо всем на свете. У меня это выходит довольно грубо, нескладно. Но я стараюсь подражать непочти-

тельному тону Фиби Хэрти – у нее все выходило удивительно тонко, изящно. Мне кажется, что ей было легче найти нужный тон, чем мне, потому что во время Великой депрессии настроение у людей было другое. Тогда Фиби Хэрти, как и многие американцы, верила, что народ станет счастливым, справедливым и разумным, как только наступит «просперити» – благосостояние.

Теперь мне уже никогда не приходится слышать это слово – «просперити». А раньше оно было синонимом слова «рай», И Фиби Хэрти могла верить, что непочтительное отношение, которому она нас учила, поможет создать американский рай.

Нынче такое неуважительное отношение ко всему вошло в моду. Но в американский рай уже никто не верит. Да, мне ужасно не хватает Фиби Хэрти.

Теперь – о подозрении, которое я высказываю в этой книге, будто все человеческие существа – роботы, механизмы. Надо принять во внимание, что в Индианаполисе, где я рос, очень многие люди, особенно мужчины, страдали локомоторной атаксией, часто наблюдающейся в последней стадии сифилиса. Я часто видел их на улицах и в толпе у цирка, когда был мальчишкой.

Эти люди были заражены крошечными хищными винтиками-спирохетами, видимыми лишь под микроскопом. Позвонки больного оказывались накрепко спаянными друг с другом после того, как эти прожорливые спирохеты съедали всю ткань между ними. У сифилитиков был удивительно величественный вид – так прямо они держались, уставив глаза в одну точку.

Как-то раз я увидел одного из них на углу улиц Меридиен и Вашингтонской, под висячими часами, сделанными по эскизу моего отца. Кстати, этот перекресток прозвали «Америка на распутье».

Сифилитик стоял на этом распутье и напряженно думал, как бы ему заставить свои ноги сойти с тротуара и перейти Вашингтонскую улицу. Он весь тихо вибрировал, как будто у него внутри застопорился какой-то моторчик. Вот в чем состояла трудность: участок мозга, откуда шли приказания к мышцам ног, был сожран спирохетами. Провода, передававшие эти приказания, уже лишились изоляции или были проедены насквозь. Выключатели по пути тоже были намертво спаяны или навечно разомкнуты.

Этот мужчина выглядел старым-престарым, хотя ему, наверно, было не больше тридцати. Он все стоял, стоял, думал. И вдруг брыкнул ногой два раза, как балерина делает антраша.

Мне, мальчишке, он тогда показался подлинным роботом.

Есть у меня еще другая склонность – представлять себе человеческие существа в виде больших пластичных лабораторных баллонов, внутри которых происходят бурные химические реакции. Когда я был мальчиком, я встречал много людей с зобом. Видел их и Двейн Гувер, продавец автомобилей марки «пontiак», герой этой книги. У этих несчастных землян так расперло щитовидную железу, как будто у них из глоток росла тыква.

А для того, чтобы стать как все люди, им только надо было глотать ежедневно примерно около одной миллионной унции йода.

Моя родная мать погубила свою нервную систему всякими химикалиями, которые будто бы помогали ей от бессонницы.

Когда у меня скверное настроение, я глотаю малюсенькую пилюльку и сразу приободряюсь.

И так далее.

Вот почему, когда я описываю в романе какой-то персонаж, у меня появляется страшное искушение: сказать, что он ведет себя так из-за испорченной проводки либо оттого, что

съел или не съел в этот день микроскопическое количество того или иного химического вещества.

Что же я сам думаю об этой своей книге? Мне от нее ужасно муторно, хотя мне от каждой моей книжки становится муторно. Мой друг, Нокс Бергер, однажды сказал про какую-то очень закрученную книгу: «... читается так, будто ее сварганил какой-нибудь Снобби Пшют». Вот в кого я, наверно, превращаюсь, когда пишу книгу, которая, по всей вероятности, во мне запрограммирована.

Эта книга – мой подарок самому себе к пятидесятилетию. У меня такое чувство, будто я взобрался на гребень крыши, вскарабкавшись по одному из скатов.

В пятьдесят лет я так запрограммирован, что веду себя по-ребячески; неуважительно говорю про американский гимн, рисую фломастером нацистский флаг, и задика, и всякое другое. И чтобы дать представление о том, насколько я зрелый художник, вот пример иллюстраций, сделанных мной для этой книги; это задик.

Думается мне, что я хочу очистить свои мозги от всей той трухи, которая в них накопилась, – всякие флаги, зады, панталоны. Вот именно – в этой книге будет рисунок: дамские панталоны. И еще я выкидываю за борт героев моих старых книг. Хватит устраивать кукольный театр.

Думаю, что это – попытка все выкинуть из головы, чтобы она стала совершенно пустой, как в тот день пятьдесят лет назад, когда я появился на этой сильно поврежденной планете.

По-моему, так должны сделать все американцы – и белые и небелые, которые подражают белым. Во всяком случае, мне-то другие люди забили голову всякой всячиной – много там и бесполезного и безобразного, и одно с другим не вяжется и совершенно не соответствует той реальной жизни, которая идет вне меня, вне моей головы.

Нет у меня культуры, нет человечности и гармонии в моих мыслях. А жить без культуры я больше не могу.

Значит, эта книга будет похожа на тропинку, усеянную всякой рухлядью, мусором, который я выбрасываю через плечо, путешествуя во времени назад, к одиннадцатому ноября 1922 года.

А потом я пропутешествую во времени до того дня, когда одиннадцатое ноября – кстати, это день моего рождения – стало священным днем: его называли День перемирия. Когда я был мальчиком и Двейн Гувер тоже был мальчиком, все люди, когда-то сражавшиеся в первой мировой войне, ежегодно в этот день соблюдали минуту молчания – одиннадцатую минуту одиннадцатого часа одиннадцатого дня одиннадцатого месяца в году.

Именно в такую минуту в 1918 году миллионы миллионов человеческих существ перестали калечить и убивать друг друга. Я разговаривал со старыми людьми, которые в ту минуту находились на поле боя. Все они, хотя и по-разному, говорили мне, что неожидан-

ная тишина показалась им Гласом божьим. Так что есть еще среди нас люди, которые точно помнят, как Создатель во всеуслышание заговорил с человечеством.

День перемирия переименовали в День ветеранов. День перемирия был священным днем, а День ветеранов – нет.

Значит, День ветеранов я тоже выкину через плечо. А День перемирия оставлю себе. Не хочу выбрасывать то, что священо.

А что же еще священо? Ну, например, Ромео и Джульетта.

И вся музыка.

СНОББИ ПШЮТ

Глава первая

Это рассказ о встрече двух сухопарых, уже немолодых, одиноких белых мужчин на планете, которая стремительно катилась к гибели.

Один из них был автором научно-фантастических романов по имени Килгор Траут. В дни встречи он был никому не известен и считал, что его жизнь кончена. Но он ошибся. После этой встречи он стал одним из самых любимых и уважаемых людей во всей истории человечества.

Человек, с которым он встретился, был торговцем автомобилями – он продавал автомобили фирмы «Понтиак». Звали его Двейн Гувер. Двейн Гувер стоял на пороге безумия.

Слушайте:

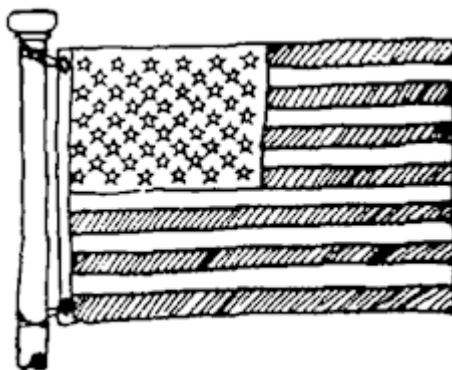
Траут и Гувер были гражданами Соединенных Штатов Америки – страны, вкратце называвшейся просто Америкой. Вот какой у них был национальный гимн – сплошная белиберда, которую и они, и многие другие, по-видимому, принимали всерьез:

Ты скажи, ты ответь, наша слава жива ль?
Ныне видишь ли то, чем гордился вчера ты, —
Сквозь огонь и сквозь дым устремлявшийся вдаль,
Нам сиявший в боях звездный флаг полосатый?

Вспышки бомб и ракет, разрывавшие мрак,
Озаряли вверх полосатое знамя:
Ты скажи, все ль еще вьется звездный наш флаг
Над землей храбрецов, над свободы сынами?

На свете существовало около квадрильона разных национальностей, но только у той нации, к которой принадлежал Килгор Траут и Двейн Гувер, был вместо национального гимна такой бессмысленный набор слов, испещренный вопросительными знаками.

А вот какой у них был национальный флаг:

И еще, на всей планете только у ихней нации был закон, в котором говорилось: «Флаг наш никогда, ни перед кем и ни перед чем спускать не должно!»

Спуском и подъемом флага назывался дружественный обычай, когда в знак приветствия флаг опускали по флагштоку ниже, к земле, а потом снова подымали вверх.

Девиз родины Двейна Гувера и Килгора Траута на языке, на котором уже никто на свете не разговаривал, означал: «Из множества – единство» – «Ex pluribus unum».

Неспускаемый флаг был красавец, да и гимн и девиз никому бы не мешали, если бы не одно обстоятельство: многих граждан этой страны до того обижали, презирали и надували, что им иногда казалось, будто они живут вовсе не в той стране, а может, и не на той планете и что произошла какая-то чудовищная ошибка. Может быть, им было бы легче, если б хотя бы в их гимне или в их девизе говорилось о справедливости, или братстве, или надежде на счастье, чтобы этими словами их радушно приветствовали, как полноправных членов общества, совладельцев его богатств.

А когда они разглядывали свои ассигнации, чтобы понять, что у них за страна, они видели там, среди всякой другой вычурной чепухи, изображение усеченной пирамиды, а на ней – растопыренный глаз, вот такой:

Даже сам президент Соединенных Штатов не знал, что это значит. Выходило так, словно страна говорила своим гражданам: «В бессмыслице – сила».

Вся эта бессмыслица была невольной виной отцов-пилигримов – основателей той нации, к которой принадлежали Двейн Гувер и Килгор Траут. Эти основатели были аристократы, и им хотелось похвастать своей никчемной образованностью, которая заключалась в заучивании всякой ахинеи из древней истории. И к тому же все они еще были рифмоплетами.

Но среди этой галиматьи попадались и очень вредные идеи, потому что они прикрывали великие преступления. Например, школьные учителя в Соединенных Штатах Америки постоянно писали на доске вот такую дату и заставляли детей вызубривать ее и повторять гордо и радостно:

1492

Преподаватели говорили ребятам, что их континент был открыт именно в этот год. А на самом деле в этом самом 1492 году миллионы людей уже жили там полноценной, творческой жизнью. Просто в этом году морские разбойники стали убивать, грабить и обманывать этих жителей.

И вот еще какую вредную чушь учителя вбивали в головы ребятам: будто бы эти пираты основали правительство, которое стало факелом свободы для всех людей на свете. И детям показывали статуи и картины этого воображаемого факела свободы. Факел был похож на фунтик с мороженым, из которого выбивалось пламя. Вот как он выглядел:

Кроме того, морские пираты, которые главным образом участвовали в создании нового государства, владели людьми-рабами. Они пользовались человеческими существами вместо машин, и даже после того, как рабовладение уничтожили – потому что все-таки это было очень стыдно, – те пираты и их потомки продолжали относиться к простым рабочим людям как к машинам.

Пираты были белые. Люди, жившие на том континенте, куда явились эти пираты, были краснокожие. Когда на этом континенте началось рабовладение, рабами были чернокожие. Все дело было в цвете кожи.

Вот каким образом пиратам удавалось отбирать все, что им было угодно и у кого угодно: у них были самые лучшие корабли на свете, и они были свирепее всех, и еще у них был порох – так называлась смесь серы, угля и селитры. Они подносили огонь к этому, казалось бы, безобидному порошку, и он бурно превращался в газ. Газ выталкивал снаряды из металлических трубок со страшной силой и чудовищной скоростью. Эти снаряды запросто врезались в живое мясо и кости, так что пираты могли разрушить проводку, или вентиляцию, или канализацию внутри живого существа, даже если оно находилось очень далеко.

Но главным оружием пиратов была их способность ошеломлять людей: поначалу никому и в голову не приходило, что они такие бессердечные и жадные, а потом становилось поздно.

Когда встретились Двейн Гувер и Килгор Траут, их страна была, пожалуй, одной из самых богатых и сильных стран на планете. В ней было много еды, и полезных ископаемых, и машин, и она умирала другие страны, угрожая им, что обстреляет их гигантскими ракетами или забросает всякими штуками с самолетов.

У многих стран ни шиша не было. А во многих и жить было невозможно. Там было слишком мало места и слишком много народу. Жители распродали все, что можно было продать, жрать им было нечего, и все равно люди там беспрестанно спаривались.

Это и был способ делать детей.

Многие люди на этой подпорченной планете были коммунистами. У них была теория, по которой все, что еще осталось на земле, надо разделить более или менее поровну между всеми людьми, которые, кстати, никого не просили поселить их на этой порченной планете. А тут еще каждую минуту нарождались дети, сучили ножками, орали, требовали молока.

Были даже такие страны, где люди просто ели землю или сосали мокрые камешки, а в нескольких шагах от них продолжали рождаться дети.

И так далее...

Страна Килгора Траута и Двейна Гувера, где всего было навалом, не признавала коммунизма. Там никак не соглашались, что те земляне, у которых всего много, должны делиться с другими, у которых ничего нет, если им этого не хочется. А большинству этого не хотелось.

Значит, они ни с кем и не делились.

Считалось, что в Америке каждый должен заграбастать сколько может и не выпускать из рук. Некоторые американцы здорово сумели всего нахватать и не выпускать из рук. Они стали сказочно богатыми. Другие не могли накопить ни шиша.

Двейн Гувер был сказочно богат, когда встретился с Килгором Траутом. Как-то утром Двейн проходил по улице, и один человек шепнул своему соседу именно эти слова: «Сказочно богат!»

А вот что было в те дни у Килгора Траута на нашей планете: ни шиша.

Итак, Килгор Траут и Гувер Двейн встретились в Мидлэнд-Сити, родном городе Двейна, во время фестиваля искусств осенью 1972 года.

Как уже говорилось, Двейн Гувер торговал автомобилями марки «пontiак» и постепенно сходил с ума.

Разумеется, ненормальность Двейна Гувера зависела главным образом от вредных веществ. Организм Двейна Гувера вырабатывал некоторые дурные вещества, нарушавшие работу его мозга. Но Двейну, как всякому начинающему сумасшедшему, при этом еще нужно было найти какие-то нехорошие идеи, чтобы его помешательство приобрело определенную форму и направление.

Скверные вещества и скверные мысли были Инь и Ян безумия. А Инь и Ян – это китайские символы гармонии. Вид у них такой:

Вредные идеи Двейну Гуверу внушил Килгор Траут. Траут считал себя не только безвредным, но и невидимым. Мир так мало обращал на него внимания, что он считал себя уже покойником.

Он надеялся, что он покойник.

Но после встречи с Двейном он понял, что способен внушить своему ближнему идеи, которые превратят его в чудовище.

Вот суть самой вредной идеи, которую Траут внушил Двейну Гуверу. Все на свете – роботы, все до единого, за исключением Двейна Гувера.

Из всех живых существ в мире один только Двейн Гувер мог думать, и чувствовать, и волноваться, и размышлять, и так далее. Никто, кроме него, не ведал, что такое боль. Ни у кого не было свободного выбора. Все остальные были полностью автоматизированными машинами и служили для того, чтобы стимулировать Двейна Гувера. Сам Двейн Гувер был новым видом живого существа – подопытным экземпляром, который испытывал Создатель вселенной.

Во всем мире только один Двейн обладал свободной волей.

Траут и не ожидал, что ему кто-нибудь поверит. Он изложил все эти вредные идеи в научно-фантастическом романе – оттуда их и вычитал Двейн Гувер. Траут слыхом не слыхал о Двейне Гувере, когда сочинял этот роман. Роман был предназначен для любого, кто его случайно откроет. Там просто-напросто говорилось первому встречному: «Эй! Знаешь что? Ты – единственное существо со свободной волей! Как тебе это нравится?» И так далее. Это был всего лишь *tour de force*¹. Это была *jeu d'esprit*².

Но Двейну эта идея отравила мозги.

Траут перепугался, когда понял, что даже он мог принести в мир зло – в виде вредных идей. И после того, как Двейна в смиренной рубашке отвезли а сумасшедший дом, Траут фанатически уверовал в значение идей и как причины болезней, и как средства излечения. Но никто не хотел его слушать. Он был неопрятный старик, и, как глас вопиющего в пустыне, его голос взывал из-за кустов и деревьев: «Идеи или отсутствие идей могут вызвать заболевание».

И Килгор Траут стал первооткрывателем в области душевного здоровья. Он проповедовал свои идеи под видом научно-фантастических романов. Умер он в 1981 году, почти через двадцать лет после того, как по его вине так серьезно заболел Двейн Гувер.

Тогда Траут уже получил всеобщее признание как великий писатель и ученый. Американская Академия наук и искусств поставила памятник над его прахом. На лицевой стороне была высечена надпись – цитата из его последнего романа, двести девятого романа, который остался недописанным из-за его кончины. Памятник выглядел так:

¹ 1. Здесь: выдумка (франц.).

² 2. Игра ума (франц.).

Глава вторая

Двейн был вдовцом. Ночью он жил в сказочном доме на Фэйрчайлдских холмах – в самом лучшем районе города. Каждый дом стоил там по крайней мере сто тысяч долларов. Каждый дом был окружен участком по меньшей мере в сто гектаров.

Единственным товарищем Двейна по ночам был ньюфаундленд по имени Спарки. Спарки не мог вилять хвостом: много лет назад он попал в автомобильную катастрофу. Поэтому он никак не мог выражать свои дружеские чувства к другим собакам. Оттого ему и приходилось без конца ввязываться с ними в драку. Уши у него висели клочьями. Он весь был в шрамах.

Была у Двейна и черная служанка по имени Лотти Дэвис. Она ежедневно убирала его дом. Потом она готовила и подавала ему ужин. Потом она уходила домой. Она была потомком рабов.

Лотти Дэвис и Двейн почти не разговаривали, хотя очень хорошо относились друг к другу. Главные разговоры Двейн вел со своим псом. Он ложился на пол и катался со Спарки по ковру и говорил ему что-нибудь вроде: «Ты да я, Спарк!» или: «Ну, как живешь, старикан?»

Так оно все шло, даже когда Двейн стал понемногу сходить с ума, но Лотти Дэвис ничего не замечала.

У Килгора Траута был попугай по имени Билл. Как и Двейн Гувер, Килгор Траут по ночам бывал совершенно один, не считая его друга. Он тоже разговаривал со своим другом.

Но в то время как Двейн говорил со своим псом ласково, Килгор Траут подсмеивался над своим попугаем и постоянно плел ему всякое про конец света.

– Теперь уже скоро, – говорил он. – Да и давно пора.

У Траута была теория, что скоро в земной атмосфере нечем будет дышать.

Траут полагал, что когда атмосфера станет ядовитой, Билл отдаст концы на несколько минут раньше самого Траута. И он вечно дразнил попугая: «Ну, как дышится, Билл?», или же: «Что-то мне чудится, будто у тебя началась хорошенькая эмфизема легких, Билл», или еще: «А ведь мы с тобой ни разу не обсуждали, какие похороны ты себе надумал, Билл. Ты мне даже не сказал – какой ты веры». И так далее.

Он сказал Биллу, что человечество заслуживает самой страшной смерти за то, что оно так жестоко и расточительно обращалось с этой милой землей, «Все мы – Гелиогабалы, Билл», – говорил Траут. Гелиогабалом звался римский император, который велел скульптору отлить пустотелого железного быка с дверцей посередине. Дверцу можно было запирать снаружи. Пасть у быка была разинута. Это было второе отверстие, выходившее наружу.

Гелиогабал отдавал приказ посадить живого человека через дверцы в быка и запирать дверцы. Все звуки, какие издавал при этом человек, доносились наружу из пасти быка. Потом Гелиогабал созывал гостей на приятную вечеринку, где было много еды и вина, много красивых девушек и юношей, и тут Гелиогабал приказывал слуге поджечь хворост. Хворост лежал под грудой сухих дров, а дрова лежали под брюхом быка.

У Траута была еще одна странная привычка: он называл зеркала «лужицами». Его забавляла мысль, что зеркало – как вода, переливается в зазеркалье.

И если он видел ребенка около зеркала, он предостерегающе грозил ему пальцем и говорил: «Не подходи так близко к луже, ты же не хочешь перелиться в другую вселенную, в Зазеркалье?»

Конечно, после смерти Траута все стали называть зеркала «лужами». Вот до чего дошло: даже к его шуткам стали относиться с уважением.

В 1972 году Траут жил в полуподвальной квартирке, в Когоузе, штат Нью-Йорк. Он зарабатывал деньги тем, что устанавливал алюминиевые оконные рамы вместе со ставнями. Продажей этих приспособлений он не занимался, потому что ему не хватало обаяния. Обаянием называлось такое качество, когда один человек у другого сразу вызывал к себе любовь и доверие независимо от того, что было на уме у этого обаятельного типа.

В Двейне Гувере была бездна обаяния.

Во мне тоже бывает бездна обаяния – стоит мне только захотеть.

Во многих людях – бездна обаяния.

Хозяин Траута и его сослуживцы понятия не имели о том, что он писатель. Кстати, ни один уважаемый издатель о нем понятия не имел, хотя ко времени встречи с Двейном Траут уже написал сто семнадцать романов и двести рассказов.

Никаких копий со своих писаний он никогда не делал. Он отсылал рукописи по почте и даже не вкладывал конверта с обратным адресом для возвращения рукописи. Иногда он и вообще никакого адреса не давал. Названия и адреса издательств он находил в журналах, посвященных литературным делам, – он жадно прочитывал эти журналы в читальном зале периодических изданий районной библиотеки. Так он связался с издательством под названием «Мировые классики», которое издавало в Лос-Анджелесе самую грубую порнографию. Издательство для объема подверстывало романы Траута, где даже о женщинах не говорилось ни слова, к непристойным рассказам и альбомам с похабными фотографиями.

Ему даже не сообщали, где печатаются его вещи. А вот сколько ему платили: ни шиша!

Ему даже не присылали авторских экземпляров – ни книжек, ни журналов, в которых он печатался, так что ему приходилось разыскивать их в порнографических лавчонках. И заглавия его романов были изменены. Например, «Хозяин Галактики» стал называться «Обезумел от губ».

Но больше всего Траута сбивали с толку иллюстрации, которые издатели подбирали для его романов. Например, он написал историю одного землянина – звали его Делмор Скэг, – холостяка, жившего в квартале, где у каждого была куча ребят. А Скэг был ученый, и он изобрел способ производить потомство из куриного бульона. Он соскребал бритвой живые клетки с ладони правой руки, смешивал их с бульоном и подвергал эту смесь воздействию космических лучей. И клетки превращались в младенцев, как две капли воды похожих на Делмора Скэга.

Вскоре у Делмора Скэга каждый день стала появляться целая стайка ребятишек, и он, гордясь и радуясь, приглашал соседей на крестины. Иногда в день крестили до сотни младенцев. Он прославился как отец самого большого в мире семейства.

И так далее.

Скэг рассчитывал, что в его стране будет издан закон, запрещающий заводить слишком большие семьи. Но законодательные учреждения и суды отказались вникнуть в проблему перенаселения. Вместо этого они издали строжайший закон, запрещающий неженатым людям варить куриный бульон.

Ну и так далее.

Иллюстрациями к этому роману служили мутные фотографии, на которых различные белые женщины занимались одним и тем же противоестественным непотребством. С одним и тем же темнокожим мужчиной, на котором почему-то было одно только мексиканское сомбреро.

Ко времени встречи Двейна Гувера с Килгором самой распространенной книгой Траута была «Чума на колесах». Издатель не изменил названия, но и оно и фамилия автора были почти закрыты вызывающе-яркой наклейкой с многообещающей надписью:

НОРКИ-НАРАСПАШКУ!

«Норками» почему-то называли фотографии совсем голых или полуодетых девиц. Выдумали это выражение газетные репортеры-фотографы, которым часто удавалось видеть полуодетых во время всяких происшествий, спортивных тренировок или на пожарах, с нижних ступенек пожарных лестниц и так далее. Им надо было придумать условный знак, чтобы крикнуть другим газетчикам и знакомым полисменам, на что можно поглазеть, если им захочется. Вот они и придумали кричать: «Норки – нараспашку!»

На самом же деле норкой назывался небольшой зверек. Выглядел он так ³:

А то, от чего приходили в раж газетчики, было просто местом, откуда рождались дети, и выглядело оно так ⁴:

³ 3. Возможно, этот рисунок сделан не рукой автора. В оригинальном издании книги К. Воннегута норка изображена менее симпатичным образом:(Прим. автора fb2)

⁴ 4. В русском переводе, очевидно из соображений цензуры, этот рисунок был пропущен. (Прим. автора fb2)

Когда Двейн Гувер и Килгор Траут были мальчиками, и когда я был мальчиком, и даже когда мы стали людьми средних лет и постарели, в обязанность полиции и судов входило наблюдение за тем, чтобы люди, не связанные с медицинской профессией, не рассматривали и не обсуждали все, что касалось некоторых анатомических деталей, вслух или в печати. Почему-то решили, что этих условных «норок», которых на свете было во сто тысяч раз больше, чем настоящих, должна окружать глубочайшая тайна под защитой закона.

Итак, существовал маниакальный интерес к «норкам нараспашку». А также к некоему мягкому легкоплавкому металлу под названием «золото».

Этот маниакальный интерес к «норкам нараспашку» распространялся и на преувеличенный интерес к женским панталонам, особенно когда мы с Двейном Гувером и Килгором Траутом были мальчишками. Девочки изо всех сил старались прятать свои штанишки, а мальчишки изо всех сил старались подсмотреть.

Женские панталоны тогда выглядели так:

Кстати, первое, что выучил Двейн в школе, еще совсем маленьким, был стишок; его надо было орать, когда случайно, на перемене, во время игры у какой-нибудь девочки виднелись трусики. Этому стишку его научили другие мальчишки – вот он:

Англию, Францию видим в книжке,
А у девчонки видны штанишки!

Когда Килгору Трауту в 1979 году вручали Нобелевскую премию по медицине, он сказал в своей речи: «Говорят, что прогресса нет. Должен сознаться: тот факт, что сейчас на земле из всех животных остались только люди, кажется мне несколько сомнительной победой. Тот, кто знаком с моими старыми опубликованными работами, поймет, почему я был особенно опечален, когда погибла последняя норка.

Впрочем, когда я был мальчиком, нашу планету вместе с нами населяли еще два чудовища, и ныне я приветствую их гибель. Они стремились убить нас или, во всяком случае, превратить нашу жизнь в полную бессмыслицу.

И они почти что преуспели. Это были жестокие враги, не то что мои четвероногие друзья, маленькие норки. Думаете, львы? Тигры? О нет! Львы и тигры почти всегда дремали. А те чудовища – сейчас я их вам назову – никогда не дремали. Они гнездились в нашем мозгу. Это были неумные страсти: жажда золота и – помилуй бог! – интерес к женским панталонам.

Спасибо, что эти страсти были так нелепы: именно эта их нелепость доказала нам, что людям можно внушить любую, самую бессмысленную идею и они будут со страстью следовать этой идее – любой идее.

Давайте же теперь строить бескорыстное справедливое общество, отдавая этому бескорыстному делу весь тот пыл, который мы так бессмысленно отдавали золоту и женским панталонам».

Он сделал паузу, а потом скорбным голосом декламировал стишок, которому его научили в школе на Бермудских островах, когда он был маленьким. Теперь этот стишок особенно хватал за душу, потому что в нем упоминались две нации, а их уже давно, как таковых, не существовало.

– «Англию, – затянул Килгор Траут, – Францию видим...»

На самом деле к моменту встречи Двейна Гувера и Килгора Траута женские панталоны совершенно потеряли цену. Правда, золото все еще подымалось в цене.

На фотографии женских панталон и бумагу тратить не стоило, и даже многокрасочные фильмы с «норками нараспашку» никаких покупателей не находили.

Было время, когда самый популярный роман Траута «Чума на колесах» из-за иллюстраций стоил двенадцать долларов экземпляра. Теперь его продавали за доллар, и те, кто покупал, брали роман вовсе не из-за фотографий – они платили за текст.

В тексте этой книги описывалась жизнь на планете, под названием Линго-Три, где жители были похожи на американские автомобили. У них были колеса. У них был двигатель внутреннего сгорания. Они ели ископаемое топливо. Однако их не делали на заводах. Они размножались. Они клали яйца, из которых вылуплялись маленькие автомобильчики, и эти малыши росли в лужах машинного масла, выливавшегося из взрослых моторов.

На Линго-Три прилетели космонавты и узнали, что существа эти вымирают, потому что они изничтожили все ресурсы на своей планете, включая атмосферу.

Но космонавты не могли оказать никакой материальной помощи. Существа-автомобили надеялись признать у них кислороду и надеялись, что посетители унесут хотя бы одно из их яиц к себе на другую планету, где из яйца вылупится автомобильчик, от которого пойдут новая автомобильная цивилизация. Но их самое мелкое яйцо весило сорок восемь фун-

тов, а космонавты были всего в дюйм высотой, и прилетели они на корабле объемом не больше земной коробки из-под ботинок. Прилетели они с планеты Зельтольдимар.

Представитель зельтольдимарцев, Каго, сказал, что единственное, что он может для них сделать, – это рассказать во всей вселенной, какие они, эти существа-автомобили, замечательные. Вот что он сказал всем этим ржавеющим реликтам, оставшимся без горючего: «Уйдя из жизни, вы не уйдете из памяти».

Иллюстрация к данному эпизоду романа изображала двух голых китайнок, по всей видимости близнецов, в довольно рискованной позе.

И вот Каго со своими храбрыми маленькими зельтольдимарцами – все они были однополые – облетел вселенную, поддерживая память об автосуществах. Наконец экипаж прибыл на планету Земля. Ничего не подозревая, Каго стал рассказывать землянам про автомобили. Каго не знал, что идеи могут изничтожать землян не хуже любой чумы или холеры. Иммунитета к безумным идеям у землян не было.

Вот как Траут объяснял, почему человеческие существа не в состоянии отвергнуть идею, даже если она скверная:

«На Земле идеи служили значками дружбы или вражды Их содержание никакого значения не имело. Друзья соглашались с друзьями, чтобы выразить этим дружеские чувства. Враги возражали врагам, чтобы выразить враждебные чувства.

В течение сотен тысяч лет идеи никакого значения для самих землян не имели – все равно они ничего изменить не могли. Идеи могли быть просто нагрудными значками или вообще чем угодно.

У них даже была пословица насчет несуразности всех идей:

Если бы желание было бы конем,
Каждый голодранец ездил бы на нем.

А потом земляне изобрели орудия. Вдруг стало опасно соглашаться с друзьями: можно было себя погубить или даже хуже. Но соглашения продолжались и продолжались – и не ради здравого смысла, или порядочности, или самосохранения, а просто из дружеских чувств.

И земляне демонстрировали дружеские чувства, когда лучше им было бы подумать как следует. Даже когда стали строить компьютеры, чтобы те за них думали, земляне их строили не столько для знаний, сколько из дружеских чувств. Голодранцы-самоубийцы принялись скакать во весь опор».

Глава третья

Через столетие после прибытия маленького Каго на Землю, как писал Траут в своем романе, вся жизнь на этой когда-то мирной, влажной и плодородной сине-зеленой планете вымирала или уже вымерла. Везде лежали остовы тех огромных насекомых, которых люди создали и обожествили. Назывались они автомобили. Они уничтожили все.

Но маленький Каго умер сам задолго до гибели планеты. Он пытался выступить в одном из баров города Детройта с речью о вреде автомобилей. Но он был такой малюсенький, что никто его не замечал. И когда он на минуту лег передохнуть, пьяный рабочий с автозавода принял его за спичку. И он убил Каго, чиркнув им несколько раз о стойку бара.

До 1972 года Килгор Траут получил только одно-единственное письмо от читателя. Написал его чудака-миллионер, который специально поручил частному детективному агентству узнать, кто такой Траут и где его можно найти. Но Траут жил в такой неизвестности, что поиски обошлись в восемнадцать тысяч долларов.

Письмо попало к Трауту, в его полуподвал. Оно было написано от руки, и Траут решил, что написал его мальчуган лет четырнадцати. В письме говорилось, что «Чума на колесах» – самая гениальная книга на английском языке и что Траута надо избрать президентом Соединенных Штатов.

Траут прочел письмо вслух своему попугаю.

– Дела разворачиваются, Билл, – сказал он, – так я и знал... Ты только вникни!

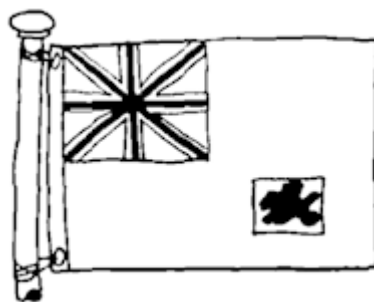
И он прочел попугаю письмо, по которому никак нельзя было догадаться, что написал его взрослый человек по имени Элиот Розуотер и что он сказочно богат.

Кстати, Килгору Трауту никогда не бывать президентом Соединенных Штатов, если только не появится еще одна поправка к конституции. Он родился не в Америке. Родился он на Бермудских островах. Его отец, Лео Траут, оставаясь американским гражданином, много лет служил в Британском королевском орнитологическом обществе хранителем единственного в мире гнездовья бермудских буревестников. Эти громадные зеленые морские птицы постепенно вымирали, и никакие меры тут помочь не могли.

В детстве Килгор Траут видел, как постепенно гибли эти птицы. Отец поручил ему печальную обязанность: измерять размах крыльев у мертвых птиц. Они были самыми крупными существами на планете, летавшими без каких-либо механизмов. У последней погибшей птицы был самый широкий размах крыльев – девятнадцать футов, три и три четверти дюйма.

После того как все буревестники перемерли, ученые открыли причину их гибели. Они погибли от грибка, поражавшего их глаза и мозг. Этот грибок в их гнездовья занесли люди в довольно безобидной форме микоза ног.

Вот как выглядел флаг страны, где родился Килгор Траут:

Словом, детство у Килгора Траута было невеселое, хотя жил он в солнечном краю, на свежем воздухе. Может быть, пессимизм, одолевший его позднее в жизни, расстроивший три его брака, после чего его единственный сын Лео четырнадцати лет сбежал из дому, – быть может, этот пессимизм и коренился в сладковато-горьком запахе тления от разлагавшихся птичьих тушек.

Письмо от читателя пришло слишком поздно. Ничего хорошего оно не обещало. Траут воспринял его как посягательство на свою личную жизнь. В письме Розуотера таилось обещание прославить Килгора Траута. И вот что Килгор Траут сказал по этому поводу при единственном свидетеле – попугае Билле:

– Не суйтесь в мой персональный мешок, черт вас дер!

«Персональным мешком» назывался большой контейнер из пластика для свежееубитого американского солдата. Этот мешок был большим новшеством.

Не знаю, кто изобрел «персональный мешок». Зато знаю, кто изобрел Килгора Траута. Его изобрел я сам.

Я ему придумал кривые зубы. Я дал ему волосы, но сделал их седыми. И не разрешил ему причесываться и стричься у парикмахера. И заставил его отрастить длинные космы.

И ноги я ему сделал такие, какие Создатель дал моему отцу, когда отец стал очень-очень грустным старичком. Ноги у него были бледные и тонкие, как палки. Они были безволосые. Они были испещрены причудливым узором варикозных вен.

А через два месяца после первого и единственного читательского письма Траут, по моей придумке, нашел у себя в почтовом ящике приглашение – выступить на фестивале искусств в одном из штатов Среднего Запада Америки.

Письмо послал председатель фестиваля Фред Т. Бэрри. Написано оно было с глубоким уважением, даже с некоторым подбострастием. Бэрри умолял Килгора Траута быть одним из высокочтимых иногородних гостей на этом фестивале, который продлится всего пять дней. Фестиваль задуман в честь открытия Мемориального центра искусств имени Милдред Бэрри в Мидлэнд-Сити.

В письме не было сказано, что покойная Милдред Бэрри была родной матерью председателя фестиваля – самого богатого человека в Мидлэнд-Сити. Он и построил этот Мемориальный центр искусств – полый прозрачный шар на подпорах. Когда внутри включалось освещение, шар становился похож на полную луну, восходящую летним вечером.

Кстати, Фред Т. Бэрри был ровесником Килгора Траута. Они родились в один и тот же день. Но конечно, они совершенно не походили друг на друга. Фред Т. Бэрри даже не походил на белого человека, хотя и был по происхождению чистейшим англосаксом. Чем старше он становился, чем лучше ему жилось и чем больше у него выпадали волосы, тем разительнее он становился похож на восторженного старого китайца.

Он до того стал похож на китайца, что и одеваться начал по-китайски. Настоящие китайцы часто принимали его за настоящего китайца.

В письме Фред Т. Бэрри признавался, что произведений Килгора Траута никогда не читал, но с радостью прочитает их перед фестивалем.

«Вас горячо рекомендовал Элиот Розуотер, – говорилось в письме. – Он уверил меня, что Вы, безусловно, величайший из современных американских писателей. Высшей похвалы я не знаю».

К письму был пришпилен чек на тысячу долларов. Фред Т. Бэрри объяснил, что деньги посылает на путевые расходы и как гонорар.

Сумма была большая. Траут внезапно стал сказочно богат.

Вот как случилось, что Килгора Траута пригласили на фестиваль. Фред Т. Бэрри очень хотел, чтобы фестиваль зал Мидлэндского центра искусств украшала какая-нибудь сказочно дорогая картина. И хоть он сам был сказочно богат, все же купить такую картину ему было не по карману, и он стал искать, у кого бы на время призанять какой-нибудь шедевр.

Прежде всего он обратился к Элиоту Розуотеру, у которого была картина Эль Греко, стоившая три миллиона долларов с лишним. Розуотер сказал, что даст на фестиваль эту картину при одном условии: на праздник должен быть приглашен в качестве докладчика величайший писатель из всех пишущих на английском языке, а именно: Килгор Траут.

Траут посмеялся над лестным приглашением, но потом вдруг перепугался. Снова посторонний человек лез к нему в «мешок». Угрюмо косясь в сторону, он спросил у своего попугая:

– Откуда вдруг возник такой интерес к Килгору Трауту?

Он снова перечитал письмо.

– Да они не только хотят, чтобы приехал Килгор Траут, – сказал он попугаю, – они желают, чтобы он явился в смокинге, понимаешь, Билл?.. Нет, тут что-то не так... – Он пожал плечами. – А может быть, они потому и пригласили меня, что узнали про смокинг?

У Траута действительно был смокинг. Лежал он в чемодане, который Траут таскал за собой с места на место уже лет сорок. В чемодане хранились его детские игрушки, кости бермудского буреветника и много разных других курьезов, в том числе и смокинг, который Траут надевал когда-то на школьный бал, в 1924 году, перед окончанием средней школы имени Томаса Джефферсона в Дейтоне, штат Огайо. Траут родился на Бермудских островах, учился там в начальной школе, но потом его родители переехали в Дейтон.

Его средняя школа носила имя крупного рабовладельца, который был также одним из самых выдающихся теоретиков в мире по вопросам прав человека на свободу.

Траут вытащил из чемодана смокинг и померил его. Смокинг был очень похож на тот, который как-то на старости лет надевал мой отец. Материя была покрыта зеленоватой патиной плесени. В некоторых местах плесень походила на тонкий кроличий пушок.

– Как вечерний костюм вполне годится, – сказал Траут. – Но скажи мне, Билл, что там, в Мидлэнд-Сити, носят в октябре, до вечера, пока еще солнце светит? – Траут подтянул штаны, так что стали видны его икры в причудливом сплетении вен. – Бермудские шорты с носками, что ли? А, Билл? Что ж, в конце концов я сам – с Бермудских островов.

Он потер смокинг влажной тряпкой, и плесень легко сошла.

– Неприятно мне, Билл, – сказал он про убитую им плесень. – Плесень тоже хочет жить, как и я. Она-то знает, Билл, чего ей хочется. А вот я ни черта теперь не знаю...

Тут он подумал: «А чего хочет сам Билл?» Угадать было легко.

– Билл, – сказал Траут, – я так тебя люблю, и я теперь стал такой важной шишкой, что сейчас же могу исполнить три твоих самых заветных желания, – И он открыл дверцу клетки, чего Биллу не удалось бы добиться и за тысячу лет.

Билл перелетел на подоконник. Он уперся плечиком в стекло. Между ним и вольной волей стояла только одна эта преграда – оконное стекло.

– Твое второе желание сейчас тоже исполнится, – сказал Траут и снова сделал то, чего Билл никак сделать бы не мог: он открыл окошко. Но попугай так испугался шума при открытии окна, что тут же влетел обратно в клетку.

Траут закрыл клетку и запер дверцу на задвижку.

– Умней тебя еще никто не придумал такого исполнения трех желаний, – сказал он попугаю, – Теперь ты знаешь точно, чего тебе желать в жизни: вылететь из своей клетки.

Траут понял, что единственное письмо от читателя как-то связано с приглашением, но никак не мог поверить, что Элиот Розуотер – взрослый человек. Почерк у Розуотера был совсем детский:

*Мы должны
стать президентом
Соединенных
Штатов!*

– Билл, – задумчиво сказал Траут, – ведь это дело для меня обстряпал какой-то мальчишка. Наверно, его родители дружат с председателем фестиваля искусств, а в тех краях никто книжек не читает. И когда мальчик сказал им, что я хороший писатель, они все сразу поверили. Не поеду я, Билл, – добавил Траут, покачав головой – Не хочу я вылетать из своей клетки. Слишком я умный. Да если бы мне и хотелось отсюда вылететь, я бы ни за что не поехал в Мидлэнд-Сити. Зачем нам становиться посмешищем – и мне, и моему единственному читателю.

Так он и решил. Но время от времени он перечитывал приглашение и запомнил его наизусть. А потом он внезапно понял, что в этой бумаге скрыт некий тайный смысл.

Выискал он этот смысл наверху бланка, где были изображены две маски, символизирующие комедию и трагедию. Одна маска была такой:

Другая такой.

– Видно, им там нужны одни счастливицы с улыбочкой, – сказал он своему попугаю. – А невезучим там не место.

И все же Траут не переставая думал о приглашении. Вдруг у него появилась идея, которая показалась ему очень заманчивой: а что, если им будет полезно посмотреть именно на такого неудачника?

И тут в нем вспыхнула огромная энергия.

– Билл, Билл, слушай, я вылетаю из клетки, но я сюда вернусь. Поеду туда, покажу им то, чего никогда ни на одном фестивале искусств никто не видел: представителя тысячи тысяч художников, которые всю свою жизнь посвятили поискам правды и красоты – и ни шиша не заработали!

Так в конце концов Траут принял приглашение. За два дня до начала фестиваля он поручил Билла своей квартирной хозяйке и на попутных машинах добрался до Нью-Йорка. Пятьсот долларов он приколот к подштанникам, остальные пятьсот положил в банк.

Отправился он в Нью-Йорк, так как надеялся найти там свои книжки в порнографических лавчонках. Дома у него ни одного экземпляра не было – он свои произведения прези-рал. Но теперь ему хотелось почитать кое-что вслух в Мидлэнд-Сити, чтобы люди поняли его трагедию, такую нелепую и смешную. И еще он собирался им рассказать, какой он для себя придумал памятник.

Вот как этот памятник выглядел:

Глава четвертая

А тем временем Двейн все больше терял рассудок. Однажды ночью он увидел одиннадцать лун над кровлей нового здания Центра искусств имени Милдред Бэрри. На следующее утро он увидел, как огромный селезень регулирует уличное движение на перекрестке Аосенал-авеню и Олд-Камтри-роуд. Он никому не рассказал, что он увидел. Он все держал в тайне.

А оттого, что он все скрывал, скверные вещества в его мозгу все накапливались и набирали сил. Им уже было мало, что он видел и чувствовал что-то несуслазное. Им хотелось, чтобы он и делал что-нибудь несуслазное и еще при этом подымал шум.

Им надо было, чтобы Двейн Гувер гордился своей болезнью.

Потом люди говорили, что они не могут себе простить, как это они не замечали в поведении Двейна опасных симптомов, не обращали внимание на то, что он явно взывал к ним о помощи. После того как Двейн окончательно спятил, местная газета поместила глубоко-сочувственную статью о том, что все должны следить друг за другом – не проявляются ли опасные симптомы. Вот как называлась эта статейка:

ЗОВ НА ПОМОЩЬ

Но никаких особенных странностей до встречи с Килгором Траутом Двейн еще не проявлял. Вел он себя в Мидлэнд-Сити как было принято в его вполне консервативной среде, говорил то, что надо, и верил во все, что полагается. Самый близкий ему человек – его секретарша и любовница Франсина Пефко сказала, что за месяц до того, как он у них на глазах превратился в маньяка, он становился все веселее и веселее.

– Мне все время казалось, – говорила она репортеру, сидевшему у ее больничной кровати, – что он наконец перестал вспоминать о самоубийстве своей жены.

Франсина работала на главном предприятии Двейна – «Парк „пантиаков“ у Одиннадцатого поворота». Парк был расположен у самого шоссе рядом с гостиницей «Отдых туриста».

Франсине показалось, что Двейн становился все веселее и веселее, потому что он вдруг стал напевать песенки, которые были популярны в дни его молодости, например: «Старый фонарщик», и «Типпи-типпи-тинн!», и «Голубая луна», и «Целуй меня!», и так далее. Раньше Двейн никогда не пел. А теперь стал громко распевать, сидя за своим столом, или демонстрируя на ходу новую марку покупателю, или же наблюдая, как механик обслуживает автомобиль. Однажды, входя в холл новой гостиницы «Отдых туриста», он громко запел, улыбаясь и приветствуя широкими жестами посетителей, словно его наняли петь для их удовольствия. Но никто не подумал, что это – признак помешательства, тем более что ему принадлежала часть гостиницы.

Черный шофер и белый официант обсуждали пение Двейна.

– Слышь, как заливается, – сказал шофер.

– Будь у меня столько добра, я бы тоже запел, – ответил официант.

Единственный человек, сказавший вслух, что Двейн сходит с ума, был разъездной агент Двейна в фирме «Пантиак», некто Гарри Лесабр. За целую неделю до того, как Двейн окончательно свихнулся, Гарри сказал Франсине Пефко:

– Что-то на Двейна нашло. Он был таким обаятельным. А теперь я и следа этого обаяния в нем не нахожу.

Гарри знал Двейна лучше, чем все остальные. Он поступил к нему двадцать лет назад, когда контора еще стояла на самой границе негритянского квартала. Негром назывался человек, у которого была черная кожа.

– Я его знаю, как солдат на войне знает своего боевого товарища, – говорил Гарри. – Мы с ним каждый день жизнью рисковали, когда контора находилась на Джефферсон-стрит. На нас совершали налеты не меньше четырнадцати раз в году. И я вам говорю: таким, как нынче, я Двейна никогда в жизни не видал.

Насчет налетов он сказал правду. Оттого Двейн и купил предприятие так дешево. Только у белых людей было достаточно денег на покупку новых автомобилей да еще у нескольких черных гангстеров, которые непременно хотели покупать «кадиллаки». Но белые люди уже стали бояться ходить в район Джефферсон-стрит.

Вот как Двейн Гувер раздобыл деньги на покупку конторы по продаже автомобилей. Он взял заем – ссуду в Национальном банке Мидлэнд-Сити. В обеспечение займа он отдал акции одного акционерного общества, которое тогда называлось «Оружейная компания Мидлэнд-Сити». Позже эта же компания стала называться «Бэрритрон лимитед». А сначала, когда Двейн скупал акции во время Великой депрессии, это акционерное общество называлось «Американская компания Робо-Мажик».

Названия акционерного общества с годами менялись, потому что оно часто меняло свои функции. Но правление общества сохраняло свой старый девиз – в память прежних лет. А девиз звучал так:

ПРОЩАЙ, ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК!

Слушайте.

Гарри Лесабр сказал Франсине:

– Когда побываешь с человеком в бою, замечаешь в своем товарище самую что ни на есть чуточную перемену, а Двейн здорово изменился. Вы спросите Вернона Гарра.

Вернон Гарр был механик, белый, – единственный, кроме Гарри, из служащих Двейна, кто работал у него до переезда парка и конторы к автостраде. В это время у Вернона были свои неприятности: его жена, Мэри, заболела шизофренией, так что Вернону было не до того, изменился Двейн или нет. Жена Вернона вообразила, что ее муж пытается превратить ее мозг в плутоний.

Гарри Лесабр имел право разговаривать про бои. Он сам побывал в бою, на войне. Двейн в боях не бывал. Однако во время второй мировой войны он был вольнонаемным в военно-воздушных силах американской армии. Один раз ему даже велели написать лозунг на пятитонной бомбе, которую собирались сбросить на город Гамбург, в Германии. Вот что он написал:

– Гарри, – сказала Франсина, – у каждого бывают свои черные дни. А у Двейна, по сравнению с другими, их куда меньше. Так что если у него портится настроение, как сегодня, люди и удивляются и обижаются на него. И напрасно. Он такой же человек, как и мы все.

– Но почему же он придирается именно ко мне? – допытывался Гарри. И он был прав. В этот день Двейн выбрал именно его и, непонятно почему, непрестанно обижал его и оскорблял.

Конечно, потом Двейн нападал на всяких людей, а один раз пристал к троим совершенно чужим, приезжим из города Ири, штат Пенсильвания, а они даже никогда в Мидлэнд-Сити не бывали. Но теперь он выбрал Гарри своей единственной жертвой.

– Почему меня? – спрашивал Гарри.

Этот вопрос часто слышали в Мидлэнд-Сити. Люди задавали его, когда их грузили в карету «Скорой помощи» после всяких несчастных случаев, или когда их задерживали за хулиганство, или грабили, или били по морде и так далее. «Почему меня?» – спрашивали они.

– Должно быть, потому, что он видит в вас настоящего мужчину, настоящего друга и понимает, что вы стерпите его выходки, когда у него плохое настроение.

– А вам было бы приятно, если б он насмеялся над вашим костюмом? – спросил Гарри. Вот, оказывается, чем Двейн обидел Гарри: насмеялся над его костюмом.

– А я бы помнила, что во всем городе у него служить лучше всего, – сказала Франсина. И это была правда. Двейн платил своим служащим больше всех, они получали долю прибыли и еще премиальные в конце года, к рождеству. Он первый завел для своего персонала страховые полисы «Синий крест – Синий щит» – на случай заболевания. Он установил пенсионную шкалу – лучшую во всем городе, кроме об-ва «Бэрритрон». Двери его кабинета всегда были открыты для любого служащего, если у того были неприятности и надо было посоветоваться – все равно, касались ли эти неприятности служебных дел, продажи автомобилей или же нет.

Например, в тот день, когда он обидел Гарри своими насмешками над его одеждой, Двейн просидел часа два с Верноном Гарром, обсуждая, какие галлюцинации у жены Вернона.

– Ей мерещится то, чего нет, – сказал Вернон.

– Отдохнуть бы ей, Верн, – сказал Двейн.

– Может, и я схожу с ума, – сказал Вернон. – Приду домой и битых два часа разговариваю со своим псом, мать его...

– Двое нас таких, – сказал Двейн.

Вот такая сцена произошла между Гарри и Двейном, вот из-за чего Гарри так расстроился.

Гарри зашел в кабинет Двейна сразу после Вернона Гарра. Никаких неприятностей он не ожидал, ибо у него с Двейном никогда серьезных неприятностей не бывало.

– Ну, как мой старый боевой товарищ? – спросил Гарри.

– Ничего, все как полагается – сказал Двейн. – А у вас ничего не случилось?

– Нет, – сказал Гарри.

– Жена Верна вообразила, что он превращает ее мозг в плутоний, – сказал Двейн.

– А что такое плутоний? – спросил Гарри. Так они поболтали, а потом Гарри решил выяснить для себя некоторые вопросы – просто ради хорошего разговора. Он сказал, что иногда грустит, оттого что у него нет детей – Хотя отчасти я и рад, – сказал он, – ну зачем мне принимать участие в перенаселении земли?

На это Двейн ничего не ответил.

– Может, надо было нам хоть усыновить кого, – сказал Гарри, – да теперь уже поздно. Нам со старухой и так не скучно – упражняемся друг с дружкой будь здоров. Зачем нам ребенок?

Вот когда он упомянул об усыновлении, Двейн взбесился. Его самого усыновили: взяла его супружеская пара, переехавшая в Мидлэнд-Сити из Южной Виргинии, чтобы заработать побольше денег на заводе во время первой мировой войны. Родная мать Двейна была незамужней учительницей, она писала сентиментальные стишки и уверяла, что ведет род от Ричарда Львиное Сердце, который был королем. Родной отец Двейна был приезжий наборщик, соблазнивший его мать тем, что отпечатал ее стишки типографским способом. Он не тиснул их в газету и вообще никуда не отдал. Ей было достаточно того, что он их отпечатал в одном экземпляре.

Она была неполноценной детородной машиной и автоматически самоуничтожилась, рожая Двейна. Наборщик исчез. Он был самоисчезающей машиной.

Может быть, слово «усыновить» вызвало какую-то злополучную химическую реакцию в мозгу Двейна. Во всяком случае он совершенно неожиданно зарычал на Гарри:

– Слушайте, Гарри, взяли бы у Верна Гарра ветошь, облили бы «Суноко-Синью» и сожгли бы весь свой хреновый гардеробчик. А то мне мерещится, будто я сижу у «Бр. Ватсон».

«Бр. Ватсон» называлось похоронное бюро для белых людей среднего достатка. «Суноко-Синь» была марка бензина.

Сначала Гарри обалдел, потом ему стало обидно. Ни разу за все годы, что они работали вместе, Двейн ни словом не обмолвился о его одежде. По мнению Гарри, одевался он строго и аккуратно. Рубашки он носил белые. Галстуки – синие или черные. Костюмы – серые или темно-синие. Ботинки и носки – черные.

– Знаете что, Гарри, – сказал Двейн, и лицо у него стало зловредное. – Подходит «Гавайская неделя», и я не шучу: сожгите свои тряпки и купите себе все новое или же поступайте на службу к «Бр. Ватсон».

Гарри так и стоял, разинув рот, – а что ему еще было делать?

«Гавайская неделя», про которую упомянул Двейн Гувер, была рекламным предприятием: всю контору убирали и украшали так, чтобы помещение как можно больше походило на Гавайские острова. Люди, купившие новые или подержанные машины или заплатившие за ремонт свыше 500 долларов, тем самым получали право участвовать в лотерее. Трое таких счастливиц выигрывали по бесплатной поездке на два лица: сначала – в Лас-Вегас и Сан-Франциско, потом – на Гавайские острова.

– Я уж не говорю, что ваша фамилия звучит как модель «бьюика», хотя продаете вы «пontiаки», – продолжал Двейн. Он намекал на то, что один из заводов «Дженерал моторс»,

выпускавший «бьюики», какую-то модель своих машин назвал «Лё Сабр». – Тут вы не виноваты. – Двейн уже тихонько похлопывал ладонью по столу, и это было хуже, чем если бы он стучал по столу кулаком. – Но есть до черта всякого такого, что вы можете переменить, Гарри. У вас будет несколько свободных дней. Надеюсь увидеть вас совершенно другим после уик-энда, когда я вернусь на работу во вторник.

Уик-энд был на этот раз особенно длинным, потому что понедельник был национальным праздником, Днем ветеранов. Праздник проводили в честь лиц, которые когда-то, служа своей стране, носили военную форму.

– Когда мы только начали продавать «понтиаки», Гарри, – сказал Двейн, – эта машина была удобным видом транспорта для учительниц, бабушек, незамужних тетюшек. – (Так оно и было.) – Но может быть, вы, Гарри, не заметили, что теперь «понтиак» стал блистательным спутником золотой молодежи, людей, которые любят в жизни приключения, азарт. А вы одеваетесь, как будто у нас похоронное бюро. Взгляните на себя в зеркало, Гарри и спросите себя, кому придет в голову связать марку «понтиак» с такой фигурой?

Но Гарри был слишком потрясен, чтобы напомнить Двейну, что как бы он ни выглядел, его все равно считали лучшим агентом по продаже «понтиаков» не только в своем штате, но на всем Среднем Западе. А в районе Мидлэнд-Сити «понтиак» раскупался лучше других машин, хотя цена машины считалась не очень низкой. Цена на нее считалась средней.

Двейн Гувер объяснил Гарри Лесабру, что «Гавайский фестиваль» начнется сразу после длинного уик-энда и что для Гарри открывается радужная перспектива – растормозиться, развлечься, да и других людей подбодрить, порадовать.

– Гарри, – сказал Двейн, – у меня есть для вас новость: современная наука изобрела для нас целую гамму роскошных красок с изумительными, странными названиями. Красный! Зеленый! Розовый! Оранжевый! Чувствуете, Гарри? Больше мы не ограничены только черным, белым да серым. Чудесная новость, Гарри, верно? А судебная палата только что объявила, что улыбаться в часы работы вовсе не преступление, Гарри, да и наш губернатор лично мне обещал, что он никого не засадит в исправительную колонию для взрослых, в сектор сексуальных преступников, за какой-нибудь анекдотик.

Эта новость не причинила бы Гарри Лесабру особого ущерба, если бы он не был тайным травести. По выходным дням он любил наряжаться в женское платье, и к тому же самое пестрое. Гарри с женой опускали шторы, и Гарри превращался в райскую птицу.

Этой тайны никто, кроме жены Гарри, не знал.

Но когда Двейн стал дразнить его тем, как он одевался на службе, да еще упомянул про сектор сексуальных преступников в исправительной колонии для взрослых в Шепердстауне, Гарри сразу заподозрил, что его тайна выплыла наружу. А тайна эта вовсе была не такой уж смешной и безобидной: Гарри мог быть арестован за свои развлечения по выходным дням. На него могли наложить штраф до трех тысяч долларов и посадить на строгий режим в секторе сексуальных преступников исправительной колонии для взрослых в Шепердстауне.

Из-за этого бедный Гарри провел в жутком настроении и День ветеранов, и всю неделю после него. Но Двейну было еще хуже.

Вот что случилось в последнюю ночь этого уик-энда с Двейном. Вредные вещества в его мозгу вытурили его из постели. Они заставили его одеться в такой спешке, словно случилось что-то, срочно требовавшее его вмешательства. Было это на рассвете. День ветеранов окончился в полночь, с последним ударом часов.

Скверные вещества в организме Двейна заставили его выхватить из-под подушки револьвер тридцать восьмого калибра и сунуть его себе в рот. Револьвером назывался

инструмент, единственным назначением которого было делать дырки в человеческих существах. Вид у него был такой:

В той части планеты, где жил Двейн, любой человек, захотевший иметь такую штучку, мог купить ее в местной скобяной лавке. У всех полицейских были револьверы. И у всех преступников тоже. И у людей, живших рядом с ними.

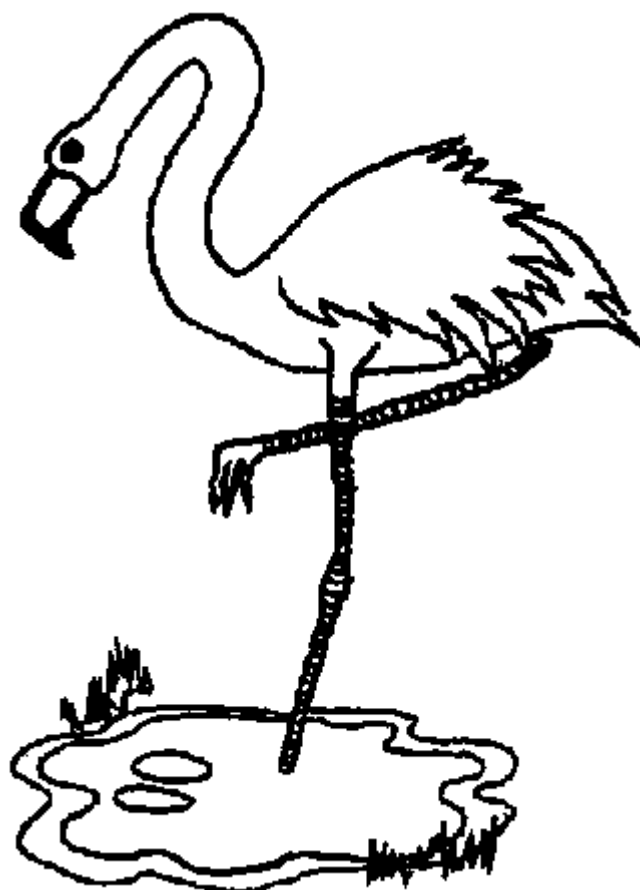
Преступники направляли револьвер на человека и говорили: «Отдай мне все деньги». И те, как правило, отдавали. А полицейские направляли револьверы на преступников и говорили: «Стой!» – или что-нибудь еще, смотря по обстоятельствам, и преступники, как правило, подчинялись. А иногда не подчинялись. Иногда жена так злилась на мужа, что вдруг пробивала в нем дырку. А иногда муж так злился на жену, что пробивал дырку в ней. И так далее.

В ту же неделю, когда Двейн Гувер стал буйно помешанным, четырнадцатилетний мальчик из Мидлэнд-Сити прострелил дырки в своих родителях, потому что не хотел показывать им плохие отметки, которые ему поставили в школе. Его адвокат собирался защищать его, доказывая, что мальчик заболел временным помешательством, а это означало, что в ту минуту, когда он стрелял, он был не способен отличить хорошее от дурного.

Иной раз люди пробивали дырки в каких-нибудь знаменитостях, чтобы и самим стать хоть немножко знаменитыми. А иногда люди садились в самолет, который отправлялся в определенный рейс, и грозились пробить дырки в первом и втором пилотах, если те откажутся направить самолет в совершенно другую сторону.

Двейн немножко подержал дуло револьвера во рту. Он ощутил вкус смазки. Револьвер был заряжен, курок взведен. Аккуратные штучки, содержащие уголь, селитру и серу, находились в нескольких дюймах от мозга Двейна. Ему достаточно было только нажать курок, и порох превратился бы в газ. А газ вытолкнул бы кусочек свинца и загнал его в мозг Двейна.

Но Двейн вдруг решил, что лучше разгромить одну из своих ванных комнат, выложенных плиткой. Он всадил куски свинца и в унитаз, и в умывальник, и в загородку вокруг ванны. На матовом стекле загородки был нанесен рисунок – птица фламинго. Вот какая она:

Двейн застрелил фламинго. Потом, вспоминая этого фламинго, он злобно ругался. Вот как он ругался: «У, дурацкая птица, мать ее...»

Выстрелов никто не слышал. Все дома по соседству были отлично заизолированы, так, чтобы звуки туда не входили и оттуда не выходили. Например, звуку, который захотел бы выйти или войти в дом-мечту Двейна Гувера, надо было бы проникнуть через полтора дюйма пластика, потом через звукоизоляционный полистериновый барьер, через лист алюминия, трехдюймовый воздушный слой, пласт стекловаты в три дюйма толщиной, еще один лист алюминия, дюймовую доску из прессованных опилок, пропитанных смолой, дюйм деревянной обшивки, слой просмоленного картона и, наконец, пустотелую алюминиевую облицовку. Пустота внутри алюминиевой облицовки была заполнена изоляционным чудо-материалом, который употребляется для ракет, летящих на Луну.

Двейн включил все прожектора на своем участке и стал играть сам с собой в баскетбол на черной асфальтированной площадке перед гаражом на пять машин.

Пес Двейна, Спарки, спрятался в подвал, когда Двейн стал стрелять в своей ванной комнате. Но тут он вылез. Спарки смотрел, как Двейн играет в баскетбол.

– Одни мы с тобой, Спарки, – сказал Двейн. И еще всякое. Двейн на самом деле очень любил этого пса.

Никто не видел, как он играет в баскетбол. Он был закрыт от соседей деревьями, кустами и высокой загородкой из кедровых досок.

Он убрал мяч и сел в черный «плимут» модели «Фьюри», который он накануне взял на комиссию. «Плимут» делали на заводах Крайслера, а Двейн был представителем компа-

нии «Дженерал моторс». Он решил дня два поездить на «плимуте», чтобы знать, что собой представляют его соперники.

Когда он выезжал по своей подъездной дороге, он решил, что надо как-то объяснить соседям, почему он ездит на машине «плимут», и он закричал из окна: «Надо же знать соперников». И нажал гудок.

Двейн промчался по Олд-Кантри-роуд и вылетел на автостраду, где кроме него не было ни души. Он с маху повернул на десятом повороте, врезался в штангу и завертелся на месте. Потом задним ходом выехал на Юнион-авеню, перескочил кювет и остановился на незастроенном участке. Участок принадлежал Двейну.

Никто ничего не слышал: на этом участке никто не жил. Предполагалось, что примерно каждый час участок будет объезжать полисмен, но полисмен «кимарил» в проулке, за товарным складом «Вестерн электрик», милях в двух от участка Двейна. «Кимарить» на жаргоне полицейских значило спать на посту.

Двейн немножко побыл на незастроенном участке. Он включил радио. Все станции в Мидлэнд-Сити ночью спали, но Двейн нашел какую-то музыкальную передачу из Западной Виргинии. По радио ему предложили купить около десяти сортов цветущих кустарников и пять фруктовых деревьев за шесть долларов наложенным платежом.

– Неплохо, по-моему, – сказал Двейн. Он и вправду так считал. Все передачи, которые передавали и принимали в стране Двейна – даже телепатические, – так или иначе были связаны с куплей-продажей какой-нибудь чертовни. Для Двейна они были слаще колыбельной песни.

Глава пятая

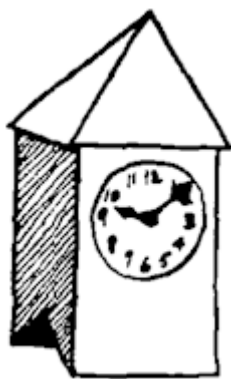
Пока Двейн Гувер слушал радио из Западной Виргинии, Килгор Траут пробовал выспаться в одном из кинотеатров Нью-Йорка. Это было гораздо дешевле, чем снимать номер в гостинице. Траут никогда в жизни этого не делал, но он знал, что по таким киношкам спят самые грязные старикашки Нью-Йорка. А ему хотелось прибыть в Мидлэнд-Сити самым грязным из всех стариков. Предполагалось, что он там примет участие в симпозиуме не тему: «Будущее американского романа в век Маклюэна». И он хотел выступить на этом симпозиуме так: «Не знаю, кто такой Маклюэн, но я знаю, что значит провести ночь в кинотеатре Нью-Йорка с другими грязными стариками. Может быть, поговорим об этом?»

И еще он хотел сказать: «А может ли этот Маклюэн, кто он там ни есть, объяснить связь между порнофотографией и книгоиздательским делом?»

Днем Траут приехал из Когоуза. Он успел зайти в несколько порнографических книжных лавчонок и в магазин белья. Он купил две свои книжки: «Чуму на колесах» и «Теперь все можно рассказать», потом журнал со своим рассказом и рубашку под смокинг. Журнал назывался «Черные подвязки». На вечерней рубашке вся грудь была в рюшах. По совету продавца Траут вместе с рубашкой купил еще пакет с набором туалетных принадлежностей. В наборе был пояс, бутоньерка и галстук бабочкой. Все это было апельсинового цвета.

Это добро Траут держал на коленях вместе с шуршащим бумажным мешком, в котором был его смокинг, шесть пар новых шортов, шесть пар новых носков, бритва и новая зубная щетка. У Траута много лет зубной щетки вообще не было.

Широковещательная реклама на обложках романов Траута обещала, что будет много «норок нараспашку». Картинка на обложке романа «Теперь все можно рассказать» (кстати, именно этот роман превратил Двейна Гувера в кровожадного маньяка) изображала университетского профессора, которого раздевала компания голеньких студенток. В окно женского студенческого общежития виднелась башня городской библиотеки. За окном стоял день, и на башне виднелись часы. Вид у них был такой:

На профессоре уже ничего не оставалось, кроме полосатых кальсон, носков, подвязок и конфедератки – это была такая шапка, и выглядела она так:

Ни одного слова насчет профессора, или студенток, или университета в книжке Траута не было. Эта книга была написана в виде письма от Создателя вселенной единственному обитателю этой вселенной, обладавшему свободой воли.

Что же касается рассказа в журнале «Черные подвязки», то Траут понятия не имел, что рассказ был опубликован. А рассказ был напечатан давным-давно – в апрельском номере 1962 года. Траут нашел журнал случайно перед входом в лавочку в корзине со всякой другой пошлятиной. Все это были пантальонные журнальчики.

Когда Траут купил журнал, кассир решил, что он не то пьяный, не то слабоумный. Чего там он увидит, кроме дамочек в трусиках, подумал кассир; разве можно их сравнить с теми картинками, которые продавались в глубине лавки?

– Надеюсь, получите удовольствие, – сказал кассир Трауту. Этим он хотел сказать, что Траут там найдет картинки, под которые можно будет самооблажаться, так как все эти журналы издавались именно с такой целью.

– Это для фестиваля искусств, – сказал Траут.

Что же касается самого рассказа, то он назывался «Плясун-дуралей», и, как во многих произведениях Траута, в нем говорилось о трагической невозможности наладить общение между разными существами.

Вот сюжет рассказа. Существо по имени Зог прибыло на летающем блюде на нашу Землю, чтобы объяснить, как предотвращать войны и лечить рак. Принес он эту информацию с планеты Марго, где язык обитателей состоял из пуканья и отбивания чечетки.

Зог приземлился ночью в штате Коннектикут. И только он вышел на землю, как увидел горящий дом. Он ворвался в дом, попукивая и отбивая чечетку, то есть предупреждая жильцов на своем языке о страшной опасности, грозившей им всем. И хозяин дома клюшкой от гольфа вышиб Зогу мозги.

В кинотеатре, где сидел Траут, держа свой пакет на коленях, показывали только скабрзные фильмы. Музыка тихо баюкала зрителей. На серебряном экране молодой человек и молодая женщина безмятежно почмокивали друг дружку в разные места.

И Траут, сидя там, сочинил новый роман Героем романа был земной астронавт, прилетевший на планету, где вся животная и растительная жизнь была убита от загрязнения атмосферы и остались только гуманоиды – человекообразные. Гуманоиды питались продуктами, добываемыми из нефти и каменного угля.

В честь астронавта – звали его Дон – жители планеты задали пир. Еда была ужасающая. Разговор шел главным образом о цензуре. Города задыхались от кинотеатров, где показывали исключительно непотребные фильмы. Гуманоидам хотелось бы прикрыть все эти кинотеатры, но так, чтобы не нарушать свободы слова.

Они спросили Дона, представляют ли порнофильмы такую же опасность на земле, и Дон сказал: «Конечно». Они поинтересовались, действительно ли на земле показывают очень похабные фильмы. Дон сказал:

– Хуже не придумаешь.

Это прозвучало как вызов. Гуманоиды были уверены, что их порнофильмы переплюнут любой земной фильм. И тут все расселись по пневмокебам и поплыли в порнокино на окраине.

Был перерыв, и Дон успел поразмышлять – что же можно придумать гаже, чем те фильмы, которые он видел на Земле? И он даже почувствовал некое возбуждение еще до того, как начался фильм. Женщины из публики тоже были распалены и взволнованы.

Наконец свет погас, и занавес раздвинулся. Сначала на экране ничего не было. Слышалось только чавканье и стоны через динамики. Потом появилось изображение. Это были первоклассные кадры – гуманоид мужского пола, евший нечто вроде груши. Камера переходила с его губ и языка на зубы, блестящие от слюны. Ел он эту грушу не торопясь. Когда последний кусок исчез в его слюнявой пасти, камера крупным планом остановилась на его кадыке. Его кадык непристойно прыгал. Он удовлетворенно рыгнул, и на экране показалась надпись на языке этой планеты:

КОНЕЦ.

Все это, конечно, было липой. Никаких груш на планете не было. И фильм про грушу был просто короткометражкой, чтобы публика успела поудобнее усесться.

Потом начался самый фильм. В нем участвовали мужская и женская особь, двое их детей, их собака и их кот. Они непрерывно ели – целых полтора часа: суп, мясо, бисквиты, масло, зелень, овощи, картофельное пюре с соусом, фрукты, конфеты, пирожные. Камера все время была примерно в футе расстояния от их сочных губ и прыгающих кадыков. А потом отец поднял на стол и собаку и кота, чтобы они тоже могли принять участие в этой оргии.

Через некоторое время актеры наелись досыта. Они так обожрались, что глаза у них полезли на лоб. Они еле двигались. Они сказали, что теперь они, наверно, с неделю ничего не смогут проглотить. Они медленно убирали со стола. Переваливаясь, они прошли на кухню и там выкинули фунтов тридцать недоеденной пищи в мусорный ящик.

Публика сходила с ума.

Когда Дон с приятелями вышли из кино, к ним стали приставать гуманоидные проститутки и предлагать им и апельсины, и яйца, и молоко, и масло, и орехи. Разумеется, никаких таких вкусностей у проституток и в помине не было.

Гуманоиды предупредили Дона, что если он пойдет к одной из них, она приготовит ему ужин из нефти и каменного угля и сдерет чудовищную плату.

И пока он будет есть, она ему будет нашептывать всякие сальности – про то, какая это сочная и свежая еда, хотя вся еда была липовая.

Глава шестая

Двейн Гувер посидел часок в машине на своем незастроенном участке, слушая радио из Западной Виргинии. Ему сообщили, как можно застраховать свое здоровье, откладывая несколько пенсов в день. Ему сообщили, как лучше пользоваться машиной. Ему сообщили, как бороться с запорами. Ему предложили Библию, в которой слова, доподлинно сказанные Создателем или Христом, выделены красным шрифтом. Ему предложили купить комнатное растение, которое будет привлекать и пожирать всех болезнетворных микробов в его доме.

И все это откладывалось в памяти Двейна на случай, если что-нибудь ему понадобится. У него в голове много чего накопилось.

Пока Двейн сидел в одиночестве, старейшая жительница Мидлэнд-Сити умирала в городской больнице, в конце бульвара Фэйрчайлд, примерно в девяти милях от Двейна. Звали ее Мэри Янг. Ей было сто восемь лет. Она была черная. Родители Мэри Янг были черными рабами в штате Кентукки.

Между Двейном Гувером и Мэри Янг существовала еле заметная связь. Когда Двейн был маленьким, Мэри несколько месяцев стирала белье в его семье. Она рассказывала ему всякие истории из Библии и всякие истории про рабов. И она ему рассказала про публичную казнь одного белого: его повесили в Цинциннати у Мэри на глазах, когда она была совсем девочкой.

Черный врач в городской больнице наблюдал, как Мэри умирает от воспаления легких.

Врач ее не знал. Он всего неделю как появился в Мидлэнд-Сити. Он даже не был американцем, хотя и окончил Гарвардский университет. Он был из племени индаро. Он был родом из Нигерии. Звали его Сиприан Уквенде. Он не чувствовал никакой родственной связи с Мэри или с другими черными американцами. Он чувствовал свое родство только с племенем индаро.

Умирая, Мэри была так же одинока на всей нашей планете, как и Двейн Гувер, как и Килгор Траут. Потомства она не завела. Ни друзей, ни родных при ее смерти не было. Потому свои последние слова на земле она сказала Сиприану Уквенде. У нее не оставалось сил привести в движение голосовые связки. Она могла только беззвучно шевелить губами.

И вот что она сказала в свой смертный час: «Ох, ох-ох...»

Как и все земляне перед смертью, Мэри Янг разослала смутные напоминания о себе всем, кто ее знал. Она выпустила маленькое облачко телепатических мотыльков, и один из них коснулся щеки Двейна Гувера, в девяти милях от нее.

Двейн услышал усталый голос где-то сзади, хотя там никого и не было. Голос сказал Двейну: «Ох, ох-ох...»

Скверные вещества в мозгу Двейна заставили его завести машину. Он выехал с незастроенного участка и медленно поехал по Юнион-авеню, параллельно автостраде.

Он проехал мимо своего главного предприятия, «Парка „пontiаков“ у Одиннадцатого поворота», и повернул к гостинице «Отдых туриста». Двейну Гуверу принадлежала третья часть гостиницы – его совладельцами были ведущий одонтолог Мидлэнд-Сити доктор Альфред Маритимо и Билл Миллер, занимавший множество постов и между прочим пост председателя комиссии при исправительной колонии для взрослых в Шепердстауне, которая выпускала арестантов на поруки.

Двейн поднялся по черной лестнице гостиницы на крышу, никого не встретив по дороге. Светила полная луна. Новое здание Мидлэндского центра искусств имени Милдред Бэрри – прозрачный полый шар на подпорах – было освещено изнутри и походило на полную луну.

Двейн посмотрел вниз, на спящий город. Тут он родился. Первые три года жизни он провел в сиротском приюте в двух милях от того места, где он сейчас стоял. Там его усыновили, там он потом учился.

Двейну принадлежали не только парк «понтиаков» и треть гостиницы, но и три закусочных, пять автоматических моек для машин, и еще он был совладельцем летнего кинотеатра на Сахарной речке, радиостанции ВМСУ, поля для игры в гольф «Три дальних клена», а также имел тысячу семьсот акций акционерной компании «Бэрритрон» – местной фирмы электронного оборудования. Ему принадлежали десятки незастроенных участков. Он был одним из директоров Мидлэндского отделения Национального банка.

Но сейчас Мидлэнд-Сити показался Двейну незнакомым и жутким. «Где это я?» – сказал Двейн.

Он даже забыл, например, что его жена Селия покончила с собой, наглотившись «Драно» – смеси соды и алюминиевого порошка, предназначенной для прочистки канализации. Селия забурлила внутри, как небольшой вулкан, так как она была набита теми же веществами, которые обычно засоряли канализацию.

Двейн даже забыл, что его единственный ребенок, его сын, вырос и стал известным гомосексуалистом. Звали его Джордж, но все называли его Кролик. Он играл на рояле в новом коктейль-баре в гостинице «Отдых туриста».

«Где это я?» – сказал Двейн.

Глава седьмая

Килгор Траут зашел облегчиться в мужскую уборную в нью-йоркском кино. Около вертушки с полотенцем висела реклама. Рекламировалось заведение для массажа под названием «Гарем султана». Такие массажные заведения были интересным новшеством в Нью-Йорке. Мужчины ходили туда, чтобы фотографировать голых женщин, давать себя массировать и вообще развлекаться по-всякому.

– Ничего себе, веселая житуха, – сказал Килгор Траут. А на кафеле, около полотенца, карандашом было написано:

В чем
смысл
жизни?

Траут обшарил карманы, ища карандаш или перо. Он мог ответить на этот вопрос. Но писать ему было нечем, не нашлось даже обгорелой спички. Пришлось ему оставить вопрос без ответа. Но вот что он написал бы, если б было чем писать:

«Быть глазами, ушами и совестью Создателя вселенной, дурак ты этакий!»

Возвращаясь на свое место в кинозале, Траут стал играть – воображать себя глазами, ушами и совестью Создателя вселенной. Он начал посылать телепатические доклады Создателю вселенной – кто бы Он ни был. Он доложил Ему, что уборная при кинотеатре чиста, как стеклышко. «А ковер у меня под ногами мягкий, новый. Наверно, из какой-то чудо-ткани. Он синий. Вам понятно, что такое синий?» И так далее.

Когда Траут вошел в кинозал, там уже зажгли свет. Публики не было, остался только администратор, он же уборщик, он же билетер и вышибала. Администратор выметал сор из проходов между стульями. Это был немолодой белый человек.

– Кончилось развлечение, дедушка, – сказал он Трауту. – Пора по домам.

Траут не возражал. Но и сразу не ушел. Он стал рассматривать покрытый зеленой эмалевой краской стальной ящик на задней стенке кинозала. В этом ящике содержался проектор, звуковая аппаратура и пленка. От ящика шел провод к штепселю на стене. В передней стенке ящика была дырка. Из этой дырки и выходил фильм. Сбоку ящика был обыкновенный выключатель. Вид у него был такой:

Трауту стало интересно: ведь достаточно было включить ток – и на экране снова начнутся всякие скабрёзности.

– Спокойной ночи, дедушка! – сказал администратор многозначительно. Траут неохотно отошел от аппарата. И вот что он сказал швейцару:

– Сколько она приносит пользы, эта машинка, и как ею легко управлять!

Уходя из кино, Траут послал телепатическое сообщение Создателю вселенной – сейчас он служил ему глазами, ушами и совестью: «Направляюсь на Сорок вторую улицу. Что Вам известно о Сорок второй улице?»

Глава восьмая

Траут вышел на тротуар Сорок второй улицы. Место было опасное. Да и весь город был опасным – из-за всяких химикалий и неравномерного распределения богатств и так далее. Многие люди походили на Двейна: они создавали в своем теле всякие вещества, вредные для их мозгов. Но в этом городе были тысячи тысяч людей, которые покупали всякие химические гадости и глотали их, нюхали или впрыскивали себе в вены при помощи вот таких штуквин:

Иногда они даже пихали химические гадости себе в анальные отверстия. Их анальные отверстия выглядели так:

Люди шли на такой страшный риск, вводя всякие химикалии в свое тело, потому что им хотелось улучшить свою жизнь. Жили они в безобразных условиях, и от этого им приходилось делать всякие безобразия. Ни шиша у них не было, так что улучшить окружающие условия они никак не могли. Вот они и шли на что угодно, стараясь как-то украсить хотя бы свою внутреннюю жизнь.

Результаты были катастрофические: самоубийства, грабежи, разбой, безумие и так далее. Но на рынок выбрасывались все новые и новые химикалии. В двадцати шагах от того места, где проходил Траут, на пороге порнографической лавчонки лежал без сознания четырнадцатилетний белый мальчик. Он проглотил полпинты нового растворителя для краски, поступившего в продажу только накануне. Кроме того, он проглотил две пилюли, предназначенные для предотвращения выкидышей у рогатого скота от заразной болезни, так называемой «болезни Банга».

Траут просто окаменел, выйдя на Сорок вторую улицу. Я придумал ему несостоящую жизнь, но вместе с тем я дал ему железную волю к жизни. На планете Земля это было обычное сочетание.

Администратор кинотеатра вышел за ним и запер двери.

Две молодые черные проститутки вдруг появились ниоткуда. Они спросили администратора и Траута, не желают ли они поразвлечься. Были они веселые, бесстрашные, потому что только полчаса назад съели целый тубик норвежской мази от геморроя. У тех, кто изготовлял это лекарство, и в мыслях не было, что его можно есть. Оно было предназначено для смазывания геморроидальных шишек.

Девочки были из деревни. Они родились на юге этой страны, где их предками пользовались как сельскохозяйственными машинами. Но теперь белые фермеры больше не употребляли сельскохозяйственного инвентаря, сделанного из плоти и крови, потому что машины из металла были и надежнее, и дешевле, и довольствовались еще более простым жильем.

Поэтому черным машинам пришлось сматываться оттуда или умирать с голоду. Они прибывали в города, потому что на юге повсюду – на заборах, на деревьях – были развешены вот такие объявления:

Килгор Траут как-то написал рассказ под названием: «Вход воспрещается». Действие происходило на Гавайских островах – тех самых, куда должны были отправиться счастливы из Мидлэнд-Сити, выигравшие в лотерее Двейна Гувера. Вся земля на этих островах принадлежала только сорока человекам, и в своем рассказе Траут заставил всех владельцев полностью утвердиться в своих правах. И они всюду поразвесили объявления: «Вход воспрещается».

Это создало ужасающие затруднения для миллионов других людей – жителей островов. Закон земного притяжения требовал, чтобы они хоть где-нибудь касались поверхности земли. Надо было либо стоять на земле, либо войти в воду и прыгать около берега. Но тут федеральное правительство выступило с экстренной программой помощи. Оно выдало всем безземельным мужчинам, женщинам и детям огромные воздушные шары, наполненные гелием.

С каждого шара свисали стропы. При помощи этих шаров жители Гавайских островов могли по-прежнему жить у себя, не тыча ногами в чужие участки земли.

Проститутки работали на сутенера. Он был ослепительно красив и жесток. Для них он был богом. Он отнял у них свободную волю, что было в порядке вещей. Никакой воли им и не было нужно. Казалось, они предали себя на волю божью и теперь могли жить доверчиво и бескорыстно. Разница была только в том, что предали они себя на волю сутенера.

Их детство кончилось. Теперь они медленно умирали. С их точки зрения, вся планета Земля была населена одними пустобрехами.

Когда Килгор Траут и администратор – два пустобреха – вышли из кино и сказали, что им неохота развлекаться, как развлекаются другие пустобрехи, обе умирающие девчонки побежали, топая по планете, то касаясь ее ногами, то отрываясь от нее. Они исчезли за углом. Траут – глаза и уши Создателя – громко чихнул.

– Будьте здоровы! – сказал администратор. Это было совершенно машинальным откликом многих американцев на чиханье другого человека.

– Спасибо! – сказал Траут. Так между ними возникла мимолетная дружба. Траут сказал, что надеется добраться до недорогой гостиницы. Администратор сказал, что надеется добраться до станции метро на Таймс-сквере. Они пошли рядом, звук их шагов, отдаваясь от высоких строений, подбадрывал и успокаивал их.

Администратор рассказал Трауту, чем для него была эта планета. Для него, как он сказал, она была местом, где он жил с женой и двумя детьми. Они не знали, что он заправляет кинотеатром, где показывают порнофильмы. Они думали, что он работает консультантом по инженерной части и потому так поздно возвращается домой. Он сказал, что на нашей планете специалистам его возраста места нет, хотя когда-то они были для всех кумирами.

– Тяжелые времена, – сказал Траут.

Администратор сказал, что он принимал участие в разработке того изоляционного чудо-материала, который применяют в ракетах, летящих на Луну. Кстати, это был тот же материал, который создавал чудо-изоляцию в доме-мечте Двейна Гувера в Мидлэнд-Сити.

Администратор напомнил Трауту слова, которые сказал первый человек, ступивший на Луну: «Маленький шаг для человека – и гигантский прыжок для всего человечества».

– Золотые слова, – сказал Траут. Он взглянул через плечо и заметил, что их преследует белый «олдсмобил» модель «Торнадо» с черной виниловой крышей. Эта машина с двойной передачей, с мотором в четыреста лошадиных сил теперь ковыляла со скоростью трех миль в час, прижимаясь к обочине в десяти футах от них.

Вот и все, что помнил Траут: «олдсмобил» сзади них.

Очнулся он, уже стоя на карачках, под мостом Куинсборо на Пятьдесят девятой улице, около спортивной площадки, неподалеку от Ист-ривер. Брюки и кальсоны у него были спущены. Деньги исчезли. Его пакеты были разорваны и расшвыряны вокруг – смокинг, новая рубашка, книги. Из уха сочилась кровь.

Полиция схватила его, когда он подтягивал штаны. Полисмен ослепил его фонарем – он стоял, прислонившись к доскам загородки, и беспомощно возился с ремнем и пуговицами. Полицейские решили, что поймали его на месте преступления, что они застали его в ту минуту, как он нарушал общественный порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.